

Фокусники считают, что любой трюк состоит из двух частей — эффекта и метода. Эффект — это то, что видит зритель... Метод — это скрывающийся за эффектом секрет, который как раз и позволяет ему проявиться.

*Питер Ламонт, Ричард Уайзман.
Теория магии*

Часть I

ЭФФЕКТ

Суббота, 20 апреля

Опытный фокусник стремится ввести в заблуждение разум зрителя, а не его зрение.

Марвин Кай. Справочник искусного фокусника

ГЛАВА 1

Приветствуем вас, почтеннейшая публика! Добро пожаловать!

Добро пожаловать на наше представление.

У нас в запасе множество потрясающих вещей, и в ближайшие два дня наши иллюзионисты, фокусники и пресидиджитаторы используют все свои навыки для того, чтобы увлечь и очаровать вас.

Наш первый номер — из репертуара исполнителя, о котором слышали все: это Гарри Гудини, величайший эскапист¹ Америки, а возможно, и всего мира, человек, высту­павший перед коронованными особами и президентами США. Многие из его трюков настолько сложны, что никто так и не осмелился повторить их за все годы, минувшие после его безвременной смерти.

Сегодня, однако, мы повторим трюк, известный под названием «Ленивый палач», во время которого Гарри Гудини рисковал задохнуться.

Наш исполнитель лежит ничком, руки его скованы за спиной классическими наручниками «дарби», ноги также связаны, а другой конец веревки привязан к ним и обвит вокруг шеи наподобие петли. Любое движение ног натягивает веревку и начинает ужасный процесс удушения.

Почему этот номер называется «Ленивый палач»? Да потому, что приговоренный к смерти сам себя и казнит.

Во время исполнения наиболее опасных номеров рядом с мистером Гудини стояли наготове его ассистенты с но-

¹ Эскапист — артист, способный освободиться от любых пут и совершить побег из любой западни. — *Здесь и далее примеч. перев.*

жами и ключами — на тот случай, если ему не удастся выбраться из оков. Часто поблизости дежурил и врач.

Сегодня всех этих предосторожностей не будет. Если за четыре минуты исполнитель не освободится сам, он умрет.

Через мгновение мы начинаем, но сначала позвольте дать вам один совет: никогда не забывайте, что, попав на наше представление, вы полностью отрешаетесь от реальности.

То, что кажется вам абсолютно подлинным, может вообще не существовать. То же, что вы принимаете за иллюзию, иногда оборачивается правдой.

Не удивляйтесь, поняв, что тот, с кем вы пришли на представление, совершенно чужой вам человек, а кто-то из сидящих в зале слишком хорошо знаком.

То, что, на ваш взгляд, безопасно, порой чревато смертельной опасностью. А те опасности, которых вы остерегаетесь, могут быть всего лишь приманкой, призванной отвлечь ваше внимание от куда более серьезных угроз.

Чему же вам верить на нашем представлении? Кому доверять?

Так вот, почтеннейшая публика: ничему верить вы не должны.

Тем более никому не доверяйте. Запомните: никому.

А сейчас занавес поднимается, прожектора загораются, музыка стихает, и лишь чуть слышен слабый стук сердца, сжимающихся в предвкушении чего-то необычного.

Представление начинается...

Дом выглядел так, будто повидал на своем веку немало привидений.

Это было зажатое между двумя небоскребами Верхнего Вест-Сайда темно-коричневое сооружение в готическом стиле, построенное еще в Викторианскую эпоху, — со множеством закрытых ставнями окон и прогулочной площадкой на крыше. Когда-то здесь размещалась шко-

ла-интернат, позднее — психиатрическая лечебница, где душевнобольные преступники доживали свой нескладный век.

Да, Манхэттенская школа музыки и исполнительского искусства, должно быть, служила пристанищем для внушительного количества духов.

Один из них, возможно, витал где-то неподалеку — над еще не остывшим телом молодой женщины, лежавшей навзничь в полутемном вестибюле, возле небольшого концертного зала. Ее широко раскрытые неподвижные глаза пока не остекленели, а кровь на щеке не приобрела бурый оттенок.

Светлая от природы кожа сейчас из-за удушья стала темно-фиолетовой — ноги и шею женщины соединяла туго натянутая веревка.

Вокруг валялись ноты, футляр от флейты и пустая кофейная чашка; разлитый кофе запачкал джинсы и зеленую рубашку женщины, оставив на мраморном полу темные пятна.

Ее убийца сидел рядом на корточках и внимательно разглядывал жертву. Он явно никуда не спешил, поскольку знал, что по выходным занятий в школе нет, а сейчас было раннее утро субботы. Правда, студенты и сегодня пользовались репетиционными залами, но они располагались в другом крыле здания. Склонившись над женщиной, убийца прищурился — он надеялся увидеть, как от ее тела отделяется некая субстанция, дух, но ничего подобного так и не разглядел.

Выпрямившись, убийца прикинул, что делать с лежавшим перед ним неподвижным телом.

— Вы уверены, что тут визжали?

— Ага... то есть нет, — ответил охранник. — Знаете, скорее не визжали, а истошно кричали. Всего секунду или две. Потом все стихло.

— Кто-нибудь еще что-нибудь слышал? — спросила Диана Францискович, сотрудница патрульной службы Двадцатого полицейского участка.

Взглянув на высокую черноволосую женщину-полицейского, грузный охранник молча покачал головой. Сжав и разжав огромные кулаки, он вытер темные ладони о свои голубые брюки.

— Вызовем подмогу? — спросила у Дианы ее напарница Нэнси Аусонио. Тоже новичок в полиции, она была ниже напарницы и светловолоса.

Францискович не знала, как поступить, хотя все больше склонялась к тому, что подмога не нужна. В этой части Верхнего Вест-Сайда патрульные в основном имели дело с дорожными инцидентами, кражей товаров в магазинах, угоном машин и с уличными грабителями. С таким происшествием, как сейчас, они столкнулись впервые. Сегодня во время утреннего дежурства охранник, заметив на улице двух женщин-полицейских, пригласил их в здание, чтобы они проверили, кто там визжит. Ну, то есть истошно кричит.

— Давай пока воздержимся, — внешне спокойно отозвалась Францискович. — Сначала узнаем, что здесь случилось.

— Кричали вроде оттуда, — пояснил охранник. — Не знаю, что и подумать.

— Нечистое место, — заметила Аусонио. Сейчас она особенно волновалась, хотя обычно ничуть не боялась лезть в самую гущу драки. — Ну да, странные звуки. Трудно сказать, что это. Понимаешь, о чем я? Откуда же они доносятся?

И в самом деле чертовщина, подумала Францискович, догадавшись, что имеет в виду ее напарница.

Пройдя в крошечной тьме долгий путь и не обнаружив ничего подозрительного, охранник остановился.

— А там что? — Францискович указала на видневшуюся в конце коридора дверь.

— Там не должно быть студентов. Разве что...

Францискович распахнула дверь в небольшой холл, располагавшийся перед концертным залом А. Возле двери, ведущей в зал, лежало тело молодой женщины. Ее руки были скованы наручниками, ноги связаны, вокруг шеи обвивалась веревка. Остекленевшие глаза были открыты. Над телом склонился бородатый мужчина с каштановыми волосами, лет пятидесяти с небольшим. Удивленный неожиданным появлением людей, он вздрогнул и отвел взгляд от тела.

— Нет! — крикнула Аусонио.

— О боже! — воскликнул охранник.

Полицейские выхватили оружие, и Францискович на удивление твердой рукой взяла мужчину на мушку.

— Эй, вы, не двигаться! Медленно встаньте, отойдите от трупа и поднимите руки. — Голос Францискович был куда менее тверд, чем ее пальцы, сжимавшие «глок». Мужчина подчинился. — Теперь ложитесь на пол, лицом вниз. Руки держите на виду!

Аусонио направилась к девушке. Только в этот момент Францискович заметила, что поднятая над головой правая рука мужчины сжата в кулак.

— Разожмите ваш...

Ап!..

Ее ослепила яркая вспышка. Свет, полыхнувший из руки подозреваемого, озарил комнату. Аусонио замерла, пригнулась, подалась назад и, ничего не видя, отчаянно заморгала. Пистолет дрожал в ее руке. Охваченная паникой, она понимала, что убийца во время вспышки наверняка зажмурился, а сейчас, возможно, нацеливает на них свой пистолет или подбирается к ним с ножом в руке.

— Где, где, где? — крикнула она.

Но тут она увидела — очень смутно, сквозь все еще густой дым, — что убийца убегает в концертный зал. Он громко хлопнул дверью, и в зале послышался какой-то шум, словно там придвигали к двери стол или стул.

Опустившись на колени перед жертвой, Аусонио швейцарским армейским ножом перерезала веревку и начала делать девушке искусственное дыхание.

— Есть тут другие выходы? — спросила охранника Францискович.

— Только один — сзади, за углом справа.

— А окна?

— Их нет.

— Эй, — на бегу бросила она Аусонио, — следи за той дверью!

— Поняла! — ответила блондинка и снова попыталась вдохнуть воздух в полуоткрытый рот жертвы.

В зале вновь послышался грохот, — очевидно, убийца продолжал воздвигать свою баррикаду. Вызвав по радиации подмогу, Францискович бросилась к двери, о которой говорил охранник. В конце коридора кто-то был. Быстро остановившись, Францискович нацелилась в грудь стоявшего впереди мужчины и направила на него ослепительный луч галогенового фонарика.

— Господи! — выдохнул пожилой уборщик, уронив на пол свою метлу.

Францискович поблагодарила Бога за то, что не держала сейчас палец на спусковом крючке «глока».

— Кто-нибудь выходил из этой двери?

— Да что здесь происходит?

— Вы кого-нибудь видели? — крикнула Францискович.

— Нет, мэм.

— А давно ли вы здесь находитесь?

— Не знаю. Минут десять, наверно.

В зале по-прежнему передвигали мебель. Отправив уборщика и охранника в главный коридор, Франциско-

вич медленно двинулась к боковой двери. Держа пистолет на уровне глаз, она осторожно нажала на ручку. Дверь была не заперта. Сделав шаг в сторону, Францискович отошла от линии огня — на тот случай, если преступник начнет стрелять прямо через дверь. Такой трюк она видела в кино, хотя и в школе полиции инструктор, кажется, тоже предупреждал об этом.

Снова грохот.

— Нэнси, ты здесь? — прошептала Францискович в переговорное устройство.

— Она мертва, — дрожащим голосом сказала Аусонио. — Я старалась. Но она мертва.

— Он отсюда не выходил. Он все еще внутри. Я его слышу.

— Я старалась, Диана. Старалась.

— Забудь об этом. Сейчас надо действовать, понимаешь?

— Да я уже успокоилась. Правда успокоилась. Давай возьмем его.

— Нет, — возразила Францискович, — мы будем его сторожить до тех пор, пока не придет группа захвата. Это все, что мы можем сделать. Сиди тихо. Следи за дверью и сиди тихо.

И тут она услышала, как убийца кричит из-за двери:

— У меня заложница! У меня здесь заложница. Только попробуйте войти, и я убью ее!

О господи...

— Вы, там, внутри! — заорала Францискович. — Никто не собирается ничего делать. Не беспокойтесь. Только никого больше не убивайте.

«Правильно ли я поступаю?» — думала Францискович. Ни по телевизору, ни в школе полиции ни о чем таком не говорили. Она слышала, как Аусонио звонит в Центральную и докладывает, что ситуация еще больше осложнилась — убийца построил баррикаду и взял заложницу.

— Только не волнуйтесь! — крикнула Францискович преступнику. — Вы можете... — Раздался громкий выстрел. Францискович вздрогнула от неожиданности. — Что случилось? Это ты стреляла? — спросила она в переговорное устройство.

— Нет, — ответила напарница. — Я думала, это ты.

— С тобой все в порядке?

— Да. Он сказал, что взял заложницу. Может, он застрелил ее?

— Не знаю, — раздраженно ответила Францискович, подумав: «Где же, черт побери, подмога?»

— Диана, — помолчав, прошептала Аусонио, — нам нужно туда войти. Вдруг она ранена и истекает кровью. Эй, вы, там, внутри! — крикнула она. Никакого ответа. — Эй, вы, там! — Никакой реакции.

— Может, он покончил с собой? — предположила Францискович. — Или просто выстрелил, чтобы мы решили, будто он покончил с собой, а теперь поджидает нас внутри?

И тут перед ее глазами возникла чудовищная картина: дверь в вестибюль открывается, озаряя бледным светом жертву, лицо которой холодное и синее, как зимние сумерки. Вот для этого она и пошла работать в полицию — чтобы помешать разным гадам совершать подобные преступления.

— Нужно войти туда, Диана, — прошептала Аусонио.

— Об этом я думаю. Ладно. Пошли. — Голос Францискович звучал несколько отрешенно. В этот момент она размышляла о своей семье и о том, как получше обхватить левой рукой правую, если придется стрелять. — Скажи охраннику, что нужно зажечь свет в зале.

— Выключатель здесь, рядом, — отозвалась Аусонио. — Он включит свет, когда я его попрошу. — Аусонио вздохнула: — Ну все, я готова. На счет «три». Считай ты.

— Ладно. Один... Подожди. Когда ворвемся в зал, я буду в двух шагах от тебя. Смотри не застрели.

— Ладно. Два шага. Я буду...

— Ты будешь слева от меня.

— Давай!

— Один. — Францискович сжала ручку двери. — Два. — Ее палец коснулся предохранителя. — Три! — крикнула Францискович так громко, что напарница наверхья услышала ее и без рации.

В большой прямоугольный зал она ворвалась в тот момент, когда зажегся ослепительный свет.

— Стоять! — гаркнула Францискович в пустую комнату.

Пригнувшись, она водила пистолетом из стороны в сторону, осматривая каждый дюйм.

Ни убийцы, ни заложницы.

Францискович метнула взгляд влево, где в других дверях стояла Нэнси Аусонио, точно так же лихорадочно осматривая зал.

— Где он? — прошептала та.

Францискович лишь покачала головой. В зале ровными рядами было расставлено около пятидесяти деревянных складных стульев. Четыре или пять из них лежали на боку, что, однако, ничуть не напоминало баррикаду, поскольку все они находились в разных местах. Справа, на низкой сцене, стояли усилитель, две колонки и поцарапанное старое пианино. Рядом валялось множество проводов.

Молодые полицейские видели в зале все, кроме преступника.

— Что случилось, Нэнси? Объясни мне, что случилось.

Аусонио не отвечала; как и ее напарница, она лихорадочно озиралась по сторонам, осматривая все подряд, хотя уже поняла, что убийцы здесь нет.

Чертовщина...

Помещение напоминало погреб. Окон здесь не было. Проемы для отопления и вентиляции не превышали

в диаметре и пятнадцати сантиметров. Деревянный потолок — без акустической плитки. В полу сцены никаких люков. И нет других дверей, кроме той, в которую ворвалась Аусонио, а также пожарной, через которую проникла Францискович.

— Где он? — выдохнула Францискович.

Нэнси прошептала что-то в ответ. Ее напарница не разобрала, что именно, однако по растерянному лицу Нэнси угадала: понятия не имею.

— Эй! — позвал кто-то из вестибюля. Девушки быстро обернулись, но никого не увидели. — Только что приехала «скорая» и несколько полицейских. — Это говорил спрятавшийся где-то охранник.

Чувствуя, как учащенно бьется у нее сердце, Францискович позвала его в зал.

— Стало быть, это... Я хочу сказать — вы взяли его?

— Убийцы здесь нет, — нетвердым голосом сообщила Аусонио.

— Что?! — Охранник осторожно заглянул в зал.

— Тут есть какие-нибудь потайные люки или что-нибудь в этом роде?

— Нет, мэм. Ничего такого. Так его здесь нет?

В коридоре слышались голоса полицейских и медиков «скорой помощи», негромко позвякивало привезенное ими оборудование. Девушки все еще никак не могли заставить себя присоединиться к коллегам. Потрясенные, они с тяжелым чувством стояли посреди концертного зала, тщетно пытаясь понять, как же убийца сбежал из помещения, откуда не было выхода.

ГЛАВА 2

— Значит, он слушает музыку.

— Ничего я не слушаю. Просто музыка была включена, вот и все.

— Музыка? — пробормотал Лон Селитто, входя в спальню Линкольна Райма. — Какое совпадение!

— А он, оказывается, ценит джаз, — обратился Том к пузатому детективу. — Что меня весьма удивляет.

— Как я уже говорил, — раздраженно пояснил Линкольн Райм, — сейчас я работаю, а музыка звучит. И что ты имел в виду, сказав о совпадении?

— Нет, он не работает. — Юный помощник в желтовато-коричневых брюках, белой рубашке и однотонном фиолетовом галстуке кивнул на стоящий у кровати монитор с плоским экраном. — Смотреть целый час на одну и ту же страницу — это трудно назвать работой. Уж мне бы он не позволил так работать!

— Приказываю перевернуть страницу. — Узнав голос Райма, компьютер подчинился, и на экране появилась новая страница «Вестника криминалистики». — Не хочешь ли участвовать в викторине и угадать состав пяти экзотических ядов, недавно найденных в террористических лабораториях в Европе? — язвительно спросил он Тома. — Может, так мы заработаем большие деньги?

— Нет, у нас есть другие дела, — ответил помощник, намекая на различные процедуры, которые несколько раз в день приходилось проделывать таким парализованным больным, как Линкольн Райм.

— Этим мы займемся через несколько минут, — согласился криминалист, с наслаждением слушая сольную импровизацию.

— Нет, мы займемся этим сейчас. Надеюсь, вы извините нас, Лон.

— Конечно. — Растрепанный Селитто вышел в коридор, прикрыв за собой дверь.

Спальня Райма находилась на втором этаже его особняка, располагавшегося в Сентрал-Парк-Вест.

Пока Том искусно выполнял свои обязанности, Линкольн Райм, прислушиваясь к музыке, лениво размыш-

лял над тем, что имел в виду Лон, когда говорил о совпадении.

Через пять минут Том впустил Селитто в спальню.

— Кофе?

— Да, немного. Приходится слишком рано начинать работу, да еще в субботу.

Помощник удалился.

— Ну, как я выгляжу, Линк? — спросил детектив.

В свои сорок с лишним лет он почему-то всегда ходил в мятой одежде. Вот и сейчас на нем был мятый серый костюм.

— Что, отправляешься на показ мод? — усмехнулся Райм.

Совпадение?

Мысли Райма вернулись к джазовой музыке. И как, черт побери, кому-то удается заставить трубу звучать столь вкрадчиво? Как вообще извлекают подобные звуки из металлического инструмента?

— Я сбросил шестнадцать фунтов, — продолжал детектив. — Рейчел посадила меня на диету. Хуже всего жирная пицца. Если отказаться от жиров, можно сбросить очень много.

— По-моему, это давно известно, Лон. Так что...

— Странное дело. Полчаса назад в музыкальной школе, неподалеку отсюда, нашли труп. Расследование веду я, и мне нужна кое-какая помощь.

«Музыкальная школа. А я слушаю музыку. Вот какое неприятное совпадение».

Селитто бегло перечислил факты. Убита студентка, преступника почти удалось схватить, но он бежал через какой-то потайной люк, который никто не может найти.

Музыка поддается математическому описанию. Как ученый, Райм прекрасно понимал это. Она логична, прекрасно структурирована. Кроме того, думал он, музыка бесконечна. Можно создать бесчисленное множество мелодий. Писать музыку вам никогда не наскучит. Райм по-

пытался представить, каково это — писать музыку. Сам он считал, что не обладает творческими способностями. В одиннадцать или двенадцать лет Райм брал уроки фортепьяно, но хотя страстно влюбился тогда в мисс Блейкли, эти занятия ничего ему не дали.

— Так ты со мной, Линк?

— Ты же сказал, что дело странное.

Постепенно завладевая вниманием Райма, Селитто привел новые детали.

— Из зала наверняка можно как-то выбраться. Но ни в самой школе, ни в нашей команде никто не понимает как.

— А место преступления?

— Все еще не тронуто. Нельзя ли поручить это Амелии?

Райм взглянул на часы:

— Она будет занята еще минут двадцать.

— Это не проблема. — Селитто похлопал себя по животу так, словно искал исчезнувшие фунты. — Я позволю ей на пейджер.

— Только не отвлекай ее сейчас.

— Почему? Что она такое делает?

— Наверняка что-нибудь опасное, — рассеянно отозвался Райм, вновь сосредоточившись на сладком звуке трубы. — Что же еще?

Прижавшись лицом к стене дома, она вдыхала запах сырого кирпича.

Ладони ее вспотели, голова под копной огненно-рыжих волос отчаянно чесалась. Амелия не шевельнулась даже тогда, когда к ней тихо приблизился одетый в форму полицейский и тоже сразу уткнулся лицом в кирпичную стену.

— В общем, ситуация вот такая, — начал полицейский. По его словам, за углом дома находилась пустая авто-

стоянка, посреди которой сейчас стояла угнанная машина. После длительной погони она попала в аварию.

— Машина на ходу? — спросила Амелия Сакс.

— Нет. Врезалась в мусорный ящик и разбилась. Три преступника — мы преследовали всех троих, но одного потом взяли. Второй сидит в машине с каким-то жутким охотничьим ружьем — ранил из него патрульного.

— Что за рана?

— Поверхностная.

— Он там?

— Нет, смог уйти.

— А третий преступник? — спросила она.

Полицейский вздохнул:

— Черт побери, он пробрался на первый этаж вот этого здания. — Он ткнул пальцем в стену дома, к которой они сейчас прижимались. — Преступник забаррикадировался и взял заложницу — беременную женщину.

Обдумывая информацию, Сакс переступила с ноги на ногу. «Черт, как больно! Проклятый артрит».

— А какое оружие у того, кто захватил заложницу, Уилкинс? — спросила она, прочитав имя своего собеседника у него на груди.

— Пистолет. Неизвестной системы.

— А где наши?

Молодой человек указал на двух полицейских, прятавшихся в задней части стоянки, за оградой.

— Еще двое перед зданием.

— Группу захвата вызывали?

— Не знаю. Когда мы начали стрелять, я потерял свой переговорник.

— Бронежилет есть?

— Нет. Я ведь не собирался вступать в перестрелку... Так что же нам делать?

— Проверяющий, говорит пятьдесят восемь восемьдесят пять, — переключив «Моторолу» на специальную частоту, сказала Амелия.

— Говорит капитан семьдесят четыре, — ответил мужской голос. — Продолжайте.

— Десять тринадцать на стоянке к востоку от шесть ноль пять Деланси. Нападение на офицера. Нужно подкрепление: машина «скорой помощи» и немедленно группа захвата. Двое преступников, оба вооружены. Один захватил заложника, так что нам еще необходим переговорщик.

— Вас понял, пятьдесят восемь восемьдесят пять. Выслать вертолет для наблюдения?

— Нет, семьдесят четвертый. У одного из преступников есть мощное ружье, и они оба горят желанием пострелять «синих»¹.

— Мы скоро придем подмогу. Вот только секретная служба перекрыла половину города — вице-президент едет из аэропорта Кеннеди. Это задержит нас. Пока действуйте по своему усмотрению. Конец связи.

— Вас поняла. Конец связи.

«Вице-президент только что лишился одного голоса избирателя, — подумала Амелия. — *Моего*».

Уилкинс покачал головой:

— Нам не удастся подвести переговорщика к зданию — снайпер ведь сидит в машине.

— Над этим я и работаю, — ответила Сакс. Подвинувшись к углу дома, она снова посмотрела на машину — дешевую модель, упирающуюся носом в мусорный бак. Сквозь распахнутые настежь двери Амелия увидела хулого мужчину с ружьем.

Над этим я и работаю...

— Эй, в машине! — крикнула она. — Вы окружены. Если не бросите оружие, мы откроем огонь. Бросьте его сейчас же!

Быстро повернувшись, мужчина направил ружье в ее сторону. Амелия тотчас же скрылась за углом и по «Мо-

¹ У полицейских в США синяя форма.

тороле» вызвала двух полицейских, засевших в задней части стоянки.

— В машине есть заложники?

— Нет.

— Уверены?

— Да, — ответил полицейский. — Мы все хорошо рассмотрели до того, как он начал стрелять.

— Ладно. Сможете попасть в него?

— Разве что через дверь.

— Нет, вслепую не стреляйте. Подберитесь поближе, но только в том случае, если вас все время будут прикрывать.

— Принято.

Амелия увидела, как двое полицейских смещаются к флангу.

— Теперь я готов его пристрелить, — через мгновение сказал один из них. — Стрелять?

— Ждите команды, — ответила она и громко крикнула: — Эй, вы, там, в машине! С ружьем! У вас есть десять секунд, после чего мы открываем огонь. Бросьте оружие. Вы поняли? — Она повторила это по-испански.

— Пошла ты!

Что ж, все ясно.

— Десять секунд! — снова крикнула Амелия. — Отсчет пошел. Дайте ему двадцать секунд, — передала она по рации. — После этого открываю для вас зеленый свет.

На исходе десятой секунды сидевший в машине преступник бросил винтовку и встал, подняв руки вверх.

— Не стреляйте, не стреляйте!

— Не опускайте руки и подойдите сюда, к углу здания. Если вы опустите руки, будем стрелять.

Когда преступник подошел к дому, Уилкинс надел на него наручники и сразу обыскал.

— Тот парень внутри, — Сакс присела на корточки, — кто он такой?

— Я не стану вам...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ЭФФЕКТ	
<i>Суббота, 20 апреля</i>	7
Часть II. МЕТОД	
<i>Воскресенье, 21 апреля</i>	299
Часть III. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТАЙНЫ	
<i>Воскресенье, 21 апреля – четверг, 25 апреля</i>	449